

ВЫСШАЯ ШКОЛА БЕЛАРУСИ

В 1920–1940-е гг.:

ОТ СТАНОВЛЕНИЯ ДО ПОСЛЕВОЕННОГО ВОССТАНОВЛЕНИЯ

Олег Яновский,
завкафедрой исторического
факультета БГУ,
кандидат исторических наук,
профессор

Высшую школу Социалистической Советской Республики Белоруссия в начале представлял лишь Белорусский государственный университет, вокруг которого формировалась как система высшего образования, так и многие научные школы. С первых же дней работы вузов стали традиционными детальными отчеты перед государственными органами и общественностью о динамике развития учебных заведений. В этих документах 1920-х гг. можно усмотреть как дотошность их авторов, выразившуюся в приводимых ими цифрах, так и вполне объяснимую эйфорию людей, которые непосредственно руководили созданием жизненно важной для молодого государства сферы. Архивные материалы, которых сохранилось немало, дают возможность не только ощутить ритм развития, но и понять причины и следствия как решенных, так и не преодоленных проблем на пути достижения необходимого и эффективного уровня всех составляющих высшего образования. Необходимость и эффективность всегда воспринимались с точки зрения прямого практического воздействия деятельности вузов на решение народнохозяйственных задач. Этой стратегии были подчинены исследовательские разработки ученых и подготовка по всем специальностям – как естественнонаучным, так и гуманитарным.

Подведение итогов работы высшей школы стало традиционным и с начала деятельности БГУ. Ректор В.И. Пичета подробные отчеты (полугодовые и годовые) представлял в СНК и ЦИК республики, выступал на партийно-советских форумах, обобщал информацию в своих многочисленных

статьях в журналах и газетах. В особенности этому уделялось большое внимание при проведении различных юбилейных мероприятий: то ли по случаю первого выпуска специалистов в феврале 1925 г., то ли в связи с 5-летием университета, то ли по поводу празднования со всей страной 10-й годовщины Октябрьской революции и др. [1, 2]. Так, в 1926 г. был подготовлен достаточно пространный «Асноўны матэрыял да сьвяткаваньня 5-гадовага юбілею Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту» почти из 20 пунктов. В каждом из них уделялось внимание состоянию и перспективам развития образования в целом (например, к 1940/41 учебному году намечалось обеспечить все школы отдельными зданиями), а также науки и культуры. Конкретно в отношении БГУ в материалах говорилось не так много, но среди прочего было констатировано, что университет теперь дополнен еще тремя вузами: Сельскохозяйственной академией, Ветеринарным институтом и Коммунистическим университетом с общим числом студентов (включая рабфаки) 4860 чел.

Впервые обобщенные цифровые выкладки о состоянии высшей школы БССР прозвучали для широкой общественности в 1931 г. в статье наркома просвещения А.М. Платуна, открывшей серию публикаций вузовских руководителей в специальном сборнике, изданном правительственной комиссией «па сьветкаваньні дзесяцігодзьдзя вышэйшае школы ў БССР». Комиссия со столь громким названием и полномочиями, используя повод – широкое празднование 10-летия деятельности БГУ, подвела итоги формирования на протяжении 1920-х гг. системы высшего образования. Нарком однозначно определил, что до момента создания университета в Беларуси «ня толькі не было ніводнай вышэйшай школы, але і нават вельмі слаба была разгорнута наогул народная асьвета» [3]. Он не раз повторил это как аксиому, как и то, что именно благодаря БГУ стало возможно создать ряд отдельных институтов и развернуть научные исследования сначала в Институте белорусской культуры, а затем в Белорусской академии наук. Подобные констатации, многократно звучавшие с больших и малых трибун в 1920–2000-х гг., можно расценивать не просто в качестве некоего пиетета в адрес первого белорусского университета, но и как оценку его огромного вклада в развитие и становление высшего образования и науки нашей страны. К сожалению, в последние годы произошла опре-

деленная девальвация в восприятии даже ученым сообществом этих очевидных фактов.

А.М. Платун привел обобщенные цифры состояния высшей школы на осень 1931 г.: «<...> замест аднаго БДУ у нас ужо налічваецца 12 вышэйшых школ; замест некалькіх соцэн студэнтаў у вышэйшай школе 21– 22 года – мы зараз налічваем ужо звыш 10 000 студэнтаў». Эту общую картину он уточнил в специальной таблице, в которой по годам отдельно подавалась информация о вузах, техникумах и рабфаках. Нарком выделил 4 этапа в развитии вузовской системы, приняв в расчет количество самих вузов и обучающихся в них студентов: 1921/22 учебный год – только БГУ с 1535 студентами; 1926/27 – 4 вуза и 4699 студентов; 1929/30 – 12 и 4980; 1930/31 – 12 и 5995 соответственно [3]. Очевидное расхождение в количестве студентов можно объяснить тяготением наркома к столь свойственному тому времени стремлению не столько подать желаемое за действительное, сколько определить ближайшие перспективы развития. Так что обобщение «мы зараз налічваем ужо звыш 10 000 студэнтаў» (хотя реально «12 навучальных устаноў з колькасцю вучняў 5995»), видимо, возникло или при суммировании собственно студентов с учащимися 24 рабфаков, или как своеобразное обозначение новых плановых показателей.

В последующие годы не раз подчеркивалась образовательная и научная роль БГУ, назывались все новые и новые цифры. Так, по случаю его 15-летия на бюро ЦК КП(б)Б вновь было подчеркнуто, что это «свята 15-годдзя вышэйшай школы і навуковых устаноў БССР» [4]. А в записке, поданной 31 июля 1935 г. академиком С.Я. Вольфсоном в ЦК КП(б)Б, с большой убедительностью была определена роль университета в становлении и развитии образовательной и научной сфер Беларуси: «За гэты час БССР стварыла магутную сетку ВНУ і навуковых устаноў <...>. Выпушчана не менш 15 000 чырвоных спецыялістаў розных галін <...>. Лічу, што дзень заснавання БДУ павінен быць адзначаны як свята 15-годдзя існавання вышэйшай школы і навуковых устаноў БССР» [4].

Своеобразным рубежом в развитии высшего образования в БССР можно считать 1941 г. На конец июня правительством республики было запланировано проведение мероприятий по случаю 20-летия деятельности первого высшего учебного заведения республики. И этот очередной юбилей готовился как демонстрация значимости системообразующего центра высшей школы

и науки республики. Заранее на самых различных уровнях, от правительственного до университетского, подводились итоги работы БГУ и всех прочих вузов. Если в специальном отчете университетской парторганизации было больше политическое трескотни, нежели фактов, то в статьях и выступлениях представителей различных институций обобщалось сделанное за 20 лет, подавалась информация по всей системе высшего образования. Один из основателей БГУ, впоследствии ставший академиком АН БССР, профессор-историк В.Н. Перцев написал достаточно подробные воспоминания о пройденном университетом 20-летию, преодоленных им колоссальных трудностях. И в конце 13-страничного текста, хранящегося ныне в Национальном архиве Беларуси, отметил, что БГУ явился той основой, из которой выросли другие вузы республики.

О проведении юбилейных мероприятий 14 ноября 1940 г. ЦК КП(б)Б принял специальное решение. Менее чем через месяц, 6 декабря, нарком просвещения и председатель юбилейной правительственной комиссии Е.И. Уралова совместно с ректором БГУ П.П. Савицким направила недавно назначенному председателю СНК БССР И.С. Былинскому записку. В ней определялся первостепенный статус университета: «буйнейшы вядучы вуз нашай краіны», «творца пяці вузаў гор. Мінска. Такія інстытуты, як Медыцынскі, Педагагічны, Юрыдычны, Палітэхнічны, Народнай гаспадаркі – гэты ўсе быўшыя факультэты Універсітэта». Далее были озвучены важнейшие достигнутые на конец 1940 г. показатели: на 6 факультетах имеется 33 кафедры, профессорско-преподавательский состав насчитывает 151 человека, за 20 лет деятельности в стенах БГУ подготовлено свыше 6 тыс. специалистов, а более 150 выпускников университетской аспирантуры влилось в вузы и НИИ республики; большинство из 73 научно-исследовательских тем, намеченных для разработки в 1941 г., связаны с решением народнохозяйственных проблем. На долю ректора БГУ П.П. Савицкого выпала уникальная миссия: сначала обобщать достигнутое университетом и всей высшей школой Беларуси за 20 лет, а потом восстанавливать его, подсчитывая нанесенный фашистами урон. Так, выступая 25 декабря 1943 г. в Малом зале Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского на торжественной сессии Ученого Совета БГУ, посвященной 25-летию БССР и возобновлению работы университета на станции Сходня под Москвой,

П.П. Савицкий охарактеризовал 1941 и 1943 г. в истории БГУ как время, с одной стороны, выхода университета на достойный уровень развития, а с другой – его полнейшего разрушения немецко-фашистской оккупацией [5]. В 1947 г. он оставил «ради науки» пост ректора и представил к защите в Москве кандидатскую диссертацию на тему «Оккупационный режим немецких захватчиков в Белоруссии (1941–1944 гг.)». В ней, предваряя ужасающие цифры 1943–1945 гг., он дал обзор довоенного положения дел (ссылаясь в основном на работу «Культурное строительство БССР» 1940 г.), назвав цифру в 22 вуза на начало 1941 г. с количеством студентов в 17,1 тыс. человек [6].

С началом Великой Отечественной войны Минск в считанные дни был захвачен и оккупирован фашистами. Полуразрушенный от бомбардировок, БГУ (как и здания АН БССР, других вузов и учреждений, заводов и фабрик) использовался оккупантами в самых разных целях. О продолжении академической жизни не могло быть и речи. Студенты, преподаватели, сотрудники вузов были или мобилизованы в действующую армию, или ушли в партизаны, или влились в ряды подпольщиков. Многие смогли эвакуироваться вглубь СССР и в той или иной степени продолжили свою профессиональную деятельность, а некоторые оказались под оккупацией. Их военные судьбы являют собой некий слепок тех жизненных перипетий, которые обрушились на все население советской страны.

Несмотря на невероятные сложности и трагизм первых месяцев Великой Отечественной войны, правительство БССР, эвакуировавшееся в Москву, через короткое время поставило задачу: во что бы то ни стало в первую очередь восстановить деятельность университета и мединститута. Архивные документы свидетельствуют, что Наркомат просвещения уже к 30 мая 1942 г. составил первичный список из 35 фамилий преподавателей БГУ, местоположение которых стало возможным установить. А 10 июня вышло постановление СНК БССР о восстановлении университета в составе 3 факультетов с 500 студентами. Но только более чем через год, преодолев огромные организационные и финансово-материальные трудности, удалось-таки наладить более или менее слаженный учебный процесс на 6 факультетах, действовавших до июня 1941 г.

В историю университета особой строкой вписано название железнодорожной станции Сходня в Подмоскovie. Отсюда после года плодотворной

работы с августа 1944 г. БГУ начал сложную реэвакуацию в освобожденный Минск. Вместе с ректором П.П. Савицким организовывали это сложное дело декан истфака Л.В. Шашков и секретарь парторганизации университета, будущий классик белорусской литературы, а в то время студент-филолог Иван Мележ. Им надо было найти приемлемые условия для учебы в разоренной фашистами столице, налаживания труда и быта преподавателей. Уже 11 августа 1944 г. со Сходни в Минск приехали первые 26 студентов, чтобы оценить возможность переезда всего университета. Но лишь 22 октября железнодорожный состав с остальными студентами и преподавателями и вузовским имуществом прибыл в столицу. Этот период в истории университета достаточно подробно изложен в одной из публикаций автора и его коллег [7].

Достаточно сложно в объеме одной статьи рассмотреть хотя бы важнейшие проблемные точки и событийный ряд, отражающие многообразие первых лет восстановления совершенно разрушенной системы высшей школы БССР. Если в целом о народном образовании Беларуси, в том числе и о его развитии в послевоенные годы, написано несколько монографий, защищены диссертации, то именно высшее образование на сегодня все еще в должной мере не представлено в обобщающих научных работах. Конечно, историография вопроса не так уж мала, исследователи разных научных направлений не могли не обратить своего внимания на область проявления высшего интеллектуального потенциала общества. По-прежнему остаются «классической» несколько работ, изданных в советское время и пронизанных тогдашними идеологемами, хотя и содержащих интересный материал о развитии и проблематике высшей школы БССР на разных временных этапах. Можно сослаться на кандидатскую и докторскую диссертации Н.К. Соколова, книгу Н.И. Красовского [8–11]. Однако уникальность времени, процессов, судеб требуют самого внимательного и скрупулезного исследования.

В данном случае мы можем представить не столько аналитическое прочтение нескольких лет, за которые университет и вузы БССР вновь восстановили свои довоенные параметры, сколько лишь обозначить некоторые тенденции событий, положив в основу публикации республиканской прессы. В силу многочисленности такой информации нет необходимости делать ссылки на десятки газетных номеров. Следует только подчеркнуть,

что СМИ республики придавали огромное значение представлению читателю успехов в восстановлении именно высшего образования, тем самым указывая на возможность достижения каждым интеллектуальной вершины в реализации своих жизненных планов. Но недостатки и просчеты также не замалчивались. Эти несколько послевоенных лет возможно сравнивать с первыми после революционными годами, когда для населения уже советской Беларуси в неимоверно сложной политической и экономической ситуации неким маяком стал Белорусский государственный университет. Он был воссоздан первым и с 1943–1944 гг. вновь определял векторы личных, общественных и государственных интересов. Одновременно наряду с БГУ постепенно восстанавливалась и расширялась вся система высшей школы.

Сквозной темой центральных партийно-советских и молодежно-комсомольских газет с лета 1944 г. стал ход приема на 1-й курс восстанавливающихся минских и областных вузов, а также на старшие курсы, которые заполнялись студентами, не сумевшими завершить учебу в 1941 г. Так, «Советская Белоруссия» 15 августа в заметке «Прием в ВУЗы» сообщала, что «первые за годы войны институты начнут учебный год в родных городах». А немногим позднее подала очень важную информацию, что в БГУ объявлен прием в аспирантуру по 10 специальностям, что открывается новый, 7-й по счету факультет – журналистики – с приемом сразу на 1-й и 2-й курсы, что «дирекция заочного отделения» университета начинает прием заявлений для поступления на 1–5-е курсы пока еще 4 факультетов.

Особой темой газетных публикаций в августе – октябре 1944 г. стало возвращение университета в полуразрушенные, но родные стены. В разноплановых по содержанию и объему материалах отражалась как проблематика учебно-научной жизни, так и участие студентов в возрождении Университетского городка и всего Минска. Подчеркивалось, что «студенты сразу же по приезду в Минск приступили к восстановительным работам» и к концу ноября 1944 г. провели 11 воскресников. Но участие студентов и «научных работников» (так обобщенно назывались профессора, доценты и преподаватели) в разборе завалов и сборе металлических предметов, гвоздей, оконных ручек и завес, очистке кирпича для последующего использования этого строительного материала, в остеклении оконных рам, навешивании дверей и т.д. было не только

ежедневным, но практически круглосуточным занятием. Работы по созданию элементарных условий для проведения учебных занятий стали повседневностью. Из подручного материала сбивали аудиторские скамейки и столы, делали полки и стеллажи для пока еще скудной университетской библиотеки. Приводили в порядок найденное в развалах лабораторное оборудование и экспонаты уничтоженных фашистами исторического и зоологического музеев.

Условия, в которых после переезда в Минск начинал свою работу БГУ, можно ощутить по некоторым воспоминаниям студентов. Так, И. Бельская весьма красочно, но объективно описала свое первое появление в университете, когда решила поступать на истфак: «<...> я увидела красный кирпичный дом. Он стоял совершенно целый, красивый, с хорошими окнами. В этот дворец вело высокое крыльцо. Я подошла к нему и прочитала вывеску: «Физико-математический факультет <...>. К 1 сентября я приехала в Минск учиться. Нас поселили в нас-пех отремонтированном здании химкорпуса. На верхнем этаже жили «политехи» – студенты Политехнического института, на среднем мы – университетские, а на нижнем – медики <...>. На первом курсе жили в так называемой «сотке». Приблизительно столько людей здесь и находилось. Это была не комната, а часть вестибюля химкорпуса, отгороженная фанерными листами и наскоро сделанной дверью <...>. Белье стирали в подвале, а сушили в комнате, поближе к плитам... По завершении сессии студенты становились каменщиками, штукатурами, малярами... Комсомол предложил создать группу студентов, которые летом могли поработать на лесопильных заводах. Заводик был найден в Борисове, на берегу Березины. Днем он работал по госзаказам, а ночью работали мы <...>» [12]. Не менее эмоционально описала увиденное во время первого приезда в Минск для возобновления прерванной войной учебы в БГУ будущий профессор-географ О.Ф. Якушко: «Помню, как я вышла из вагона на Привокзальную площадь и ахнула: моего родного города не было. Впереди было пусто до самого парка Горького, который сохранил свою зелень <...>. Лето мы работали, восстанавливали корпуса университета. Осень и зима были очень тяжелыми. Занятия проходили в здании какого-то техникума без света и отопления... Но наши корпуса восстановили быстро, и уже в 1948 г. там прово-

дили занятия» [13]. В 1945 г. Ольга Филипповна получила диплом об окончании университета.

Разумеется, и в последующие несколько лет тема «минских руин» оставалась одной из самых актуальных. Вскоре после объявления Победы, в конце мая 1945 г., газета «Сталинская молодежь» наряду с рассказом о только что завершившейся научной сессии БГУ, посвященной участию его коллектива в восстановлении народного хозяйства и культуры республики, описала картину всенародной борьбы за возрождение столицы: «Тысячи трудящихся выходят на восстановление Минска, уже разобрано множество разрушенных зданий, выбраны миллионы штук кирпича, на руинах Минска с лопатой или киркой в руках можно увидеть академика Леонова, драматурга Кандрата Крапиву, артиста Григониса и профессора Космачевского, домашнюю хозяйку Алексеву и студентку университета Зеленку». В других публикациях отмечались примеры «самоотверженной работы молодежных студенческих бригад», которые значительно перевыполняли и без того высокие нормы (например, бригады во главе со студентами БГУ Н. Подняковой, В. Комликом и др.).

Наряду с участием в столь далекой от академической повседневности тяжелой, но такой необходимой работе вузовские ученые, преподаватели, студенты вносили посильную лепту в возрождение страны, подписываясь на регулярно объявляемые займы. Например, в самом начале мая 1945 г., когда был объявлен 4-й Государственный военный заем, участие в нем воспринималось коллективом университета как внесение личной лепты в окончательный разгром врага. В ходе агитационной кампании, без которой не обходилось ни одно подобного рода обращение властей к гражданам, диапазон внесенных сумм колебался от 200–300 студенческих рублей до более чем 3 тыс. профессорских. Займы сопровождали жизнь каждого дееспособного гражданина все последующие годы.

Одной из важнейших задач всех уровней управления высшей школой было обеспечение БГУ и пока еще немногих других вузов (Гомельского пединститута, Мозырского учительского института), а также 5 педучилищ кадрами преподавателей и профессоров. Их буквально выискивали на фронте и в тылу, прежде всего тех, кто раньше работал в Беларуси. Решение кадрового вопроса целиком было увязано с задачей быстрого восстановления довоенной

численности вузов. Газеты называли фамилии вернувшихся и приступивших к работе преподавателей (профессоров Т.Н. Годнева, В.Н. Перцева, М.Е. Макушка, Н.Ф. Ермоленко, Л.Н. Никонина и др.) и перечисляли вузы, которые в самое ближайшее время восстановят свою деятельность. Кроме названных выше это были Могилевский, Минский и Витебский пединституты, Оршанский, Барановичский и Пинский учительские институты с общим числом студентов около 3,5 тыс.

Реальная оценка ситуации привела к пониманию, что в первую очередь нужно восстанавливать именно педвузы: это определялось как относительно небольшими материально-техническими затратами, так и крайней необходимостью скорейшей подготовки учительских кадров для возобновления работы тысяч школ, вовлечения в нормальный ритм жизни десятков тысяч опаленных войной детей. В конце сентября 1944 г. начальник управления вузов и педучилищ наркомата просвещения БССР И.Е. Лакин (задолго до войны окончил БГУ, в 1953–1970 гг. был ректором Минского пединститута) в специальной статье по этим взаимосвязанным вопросам весьма оптимистично заявил, что с текущего учебного года открыта вся «сетка» педагогических вузов, указав, что на 1941 г. в БССР насчитывалось 15 таких высших учебных заведений. Вот только при их перечислении по ситуации на сентябрь 1944 г. вместе с БГУ им были названы только 8 [14]. Его ссылку на принятое решение СНК БССР о скорейшем восстановлении педвузов можно расценить как ближайшую перспективу, но не реальное положение вещей. Важно, что педагогическую стезю в тот военный год избрали 2 тыс. принятых на 1-й курс при конкурсе более в 2,5 человек на место. Правительство республики изыскивало возможности для обеспечения не только учебно-научного процесса, но и элементарных условий жизни студенчества и преподавателей. К примеру, педагогическим и учительским институтам «нарезались» участки земли по 15–40 га для самостоятельного посева картофеля и овощей, которые должны были хоть каким-то образом поддержать вузовские коллективы в еще военную зиму 1944–1945 гг.

Первый учебный год завершился в победном мае 1945 г. Как заявлялось (в достаточно приближенных цифрах) на газетных полосах, свыше 350 выпускников всех действующих вузов вольются в различные сферы народного хозяйства; только в БГУ 112 физиков, химиков, биологов, геогра-

фов, филологов и историков получают дипломы о высшем образовании. Всего в педвузах в конце 1944/45 учебного года обучалось 3047 студентов. Особо подчеркивалось, что многие выпускники прошли фронтовые дороги, борьбу в партизанских отрядах и подполье. Одной из наиболее знаковых фигур был инвалид Великой Отечественной войны, капитан-танкист и в недалеком будущем аспирант, а затем кандидат исторических наук и декан родного истфака А.И. Сидоренко. О его героической военной судьбе на протяжении последующих 2–3 лет не раз писали едва ли не все республиканские газеты. Из студентов-фронтовиков, конечно же, выделяли Героя Советского Союза А.А. Филимонова, хотя из номера в номер назывались и сотни других имен.

Сверхоптимистично в августе 1945 г. в газетных материалах утверждалось, что второй послевоенный учебный год должны начать 50 белорусских вузов с 20 тыс. студентов. Конечно, эти цифры приводились для того, чтобы подчеркнуть, что после завершения войны должна немедленно восстановиться довоенная жизнь. Однако в перечне вузов, помимо названных выше, появляются лишь лесотехнический институт в Гомеле, консерватория, Минский медицинский и Витебский ветеринарный институты. Та же «Сталинская молодежь» 21 сентября 1945 г. назвала 23 высших учебных заведения, реально осуществивших прием студентов и начавших первый послевоенный учебный год. Более точные цифры, хотя и без излишней детализации всех сложных обстоятельств возрождения каждого вуза, можно найти в названных выше работах Н.К. Соколова и Н.И. Красовского. Но если поставить задачу выяснить детали, то это не составит большого труда: сегодня все вузы Беларуси обзавелись обобщающими свою историю работами и большим количеством изданных или размещенных в сети Интернет материалов самого различного характера.

Констатацию сложного, но вместе с тем результативного продвижения белорусской высшей школы к восстановлению своего довоенного потенциала можно продолжать долго. Несмотря на огромные усилия, все же восстановить разрушенное войной и оккупацией было не так просто. О некоторых нюансах студенческой жизни в начале очередного послевоенного учебного года – 1948/49 – вспоминала тогдашняя первокурсница, а впоследствии доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета

И.О. Царюк: «Вышла из вагона <...>. Нашла университет. То, что осталось от довоенного университетского городка, можно было условно назвать университетом. Разрушено, сгорело большинство зданий. Опустевший скверик. Во время войны фашисты использовали уцелевшие здания под казино, увеселительные помещения, комнаты допросов, пыток подпольщиков и партизан. Ко времени моего поступления в университет силами первых послевоенных наборов и преподавателей, вернувшихся с фронта и из партизан, некоторые здания уже были приспособлены для учебы и жилья студентов... Мое общежитие находилось в старом химическом корпусе <...>. Комнаты были разные, на 4–5 и на 45–50 человек. У нас их называли «пятисотками» <...>». Таким образом, И.О. Царюк, как все ее однокурсники, продолжила совмещать упорную учебу с нелегким трудом по восстановлению столицы [15].

Все документы и факты значимы для понимания того, какие испытания должны были пережить в те тяжелейшие, но все-таки уже мирные годы наши учителя и учителя наших учителей, наши предшественники на студенческой скамье и за профессорской кафедрой, чтобы уже к 1948–1949 гг. вновь полноценно заработала основа высшей школы республики. Заместитель министра высшего образования СССР, профессор-химик А.В. Топчиев в мае 1948 г., говоря об окончании очередного учебного года в вузах страны и подготовке к следующему, оперировал уже термином «укрепление», а не «восстановление» вузовского потенциала. В ряду других ведущих университетов СССР, которые скоро закончат восстановление своих зданий, он назвал и БГУ. Такой оптимизм высокого начальства в сентябре 1948 г. подтвердило и его руководство: «Новый учебный год коллектив университета начнет в хорошо оборудованных корпусах». Правда, умалчивалось о реальном состоянии студенческих общежитий, разбросанных по всему Минску, в которых протекали крыши, кровати заменялись или сбитыми из досок топчанами, или просто брошенной на пол соломой, «удобства» находились на улице, постиранное белье сушилось прямо в перенаселенных комнатах и в коридорах...

Но все же подобные условия всеми воспринимались как временное положение дел, продолжалась практика студенческих субботников и регулярного участия в работах по воссозданию всего, что только возможно воссоздать. Жизнь всей высшей школы и каждого члена ее большого кол-

лектива была спрессована донельзя: одновременно решались и «спущенные сверху» вопросы, и каждодневно возникавшие в практике учебного процесса, проведения исследований, быта и др. Для всестороннего научного осмысления этих немногих лет имеется богатый источниковый материал (в том числе освоенный и автором данной публикации). Фонды Национального архива Республики Беларусь, вузовские архивы с тысячами личных дел сотрудников и студентов – это бесценный кладезь конкретной и обобщенной информации о событиях, процессах, тенденциях, которыми наполнена история высшей школы послевоенного периода, времени восстановления ее уровня, достигнутого к лету 1941 г., но варварски поправленного военным лихолетьем и оккупацией Беларуси. Применение просопографического метода в данном контексте представляется продуктивным и перспективным. ■

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Першы выпуск Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсітэту. 20 лютага 1925 году. Выданьне Б.Д.У.– Витебск, 1925.
2. Беларускі Дзяржаўны Унівэрсытэт. 1921–1927. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі.– Менск, 1927.
3. Платун А. М. Вышэйшая Асьвета ў БССР за дзесяцігодзьдзе (1921–1931) // Дзесяць год Беларускага Дзяржаўнага Унівэрсытэту. 1921–11.VII-1931.– Менск, 1931.
4. Проекты постановления бюро ЦК КП(б)Б // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 7479.
5. Програма торжественной сессии Ученого Совета БГУ 25 и 26 декабря 1943 г. // Из личного архива автора.
6. Савицкий П. П. Оккупационный режим немецких захватчиков в Белоруссии (1941–1944 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук.– М., 1947.
7. Яновский О. А., Прохоров А. А., Ходин С. Н. 21-й год Белорусского университета – возрождение в условиях Великой Отечественной войны // Российские и славянские исследования. Вып. X.– Минск, 2018.
8. Соколов Н. К. Деятельность Коммунистической партии Белоруссии по развитию высшего образования в республике (1951–1958 гг.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук.– Минск, 1972.
9. Соколов Н. К. Партийное руководство подготовкой и воспитанием научно-педагогических кадров, 1936–1961 гг.: (на материалах Белоруссии): автореф. дисс. ... доктора ист. наук.– М, 1988.
10. Соколов Н. К. Партийное руководство подготовкой и воспитанием кадров высшей школы БССР.– Минск, 1978.
11. Красовский Н. И. Высшая школа Советской Белоруссии (Исторический очерк).– Минск, 1963.
12. Бельская И. Д. Воспоминания об историческом факультете БГУ. // Беларускі гістарычны часопіс. 2009. №8.
13. Якушко О. Ф. Моя судьба – географический факультет БГУ.– Минск, 2009.
14. Чырвоная Змена. 1944. 30 кастрычніка.
15. Царюк И. О. От родного порога / под ред. С. Н. Ходина.– Минск, 2011.